

ФАКУЛЬТЕТСКАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ КЛИНИКА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА: ФОРМИРОВАНИЕ КИЕВСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕРАПИИ

СООБЩЕНИЕ I. ОСНОВАНИЕ КЛИНИКИ. ЕЕ ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР — Ф. С. ЦЫЦУРИН (1844—1857 гг.)

Кафедра истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

На рубеже XIX и XX столетий медицина проходила сложный этап своего исторического пути: "бактериальная эра" приближалась к концу, безграничное увлечение патоморфологией и бактериологией сменялось разочарованием в их возможностях для решения основных проблем клиники, наступало время очередного пересмотра представлений о болезни, механизмах ее развития, принципах лечения. Для клиники внутренних болезней в России ситуация осложнялась уходом со сцены ее признанных лидеров — в конце XIX века умерли С. П. Боткин и Г. А. Захарьин, в 1901 г. оставил кафедру А. А. Остроумов. Отечественная терапия могла прийти на перепутье "обезглавленной".

Этой опасности удалось избежать главным образом благодаря энергичной общественной деятельности В. Н. Сиротинина (Петербург), В. Д. Шервинского (Москва) и В. П. Образцова (Киев). Каждый из них имел исключительный научный и врачебный авторитет, а вместе "три Василия", как они в шутку сами себя величали, вели за собой отечественных клиницистов по пути, намеченному их великими предшественниками. Они руководили Российским обществом терапевтов, были организаторами и председателями его первых съездов¹.

Подводя итоги I съезда российских терапевтов (1909 г., Москва), его председатель В. Н. Сиротинин отметил: "пальма первенства принадлежит Киеву, далее идут Петербург и Москва". Столь высокий авторитет киевских клиницистов в научно-общественной жизни терапевтов страны сохранялся на протяжении всей первой половины XX века и связан в первую очередь с именами В. П. Образцова, руководившего кафедрой факультетской терапии Университета Св. Владимира в 1904—1920 гг.; его создавшего здесь крупнейшую терапевтическую школу; его преемника по кафедре (1921—1928 гг.) Ф. Г. Яновского — легендарной личности, "святого доктора", первого клинициста, избранного в Академию наук Украины, и академика Н. Д. Стражеско, ученика Образцова, возглавившего ту же кафедру в 1929 г.

Если в истории отечественной клиники внутренних болезней факультетская терапевтическая клиника Университета Св. Владимира в Киеве оказалась на первых ролях, то в историко-медицинской литературе отражение этого обстоятельства выглядит на удивление скромным. Отечественная медицинская историография богата информацией о становлении и роли факультетской и госпитальной терапевтических клиник Московского университета и академической терапевтической клиники Военно-медицинской академии, где работали соответственно Г. А. Захарьин, А. А. Остроумов и С. П. Боткин, как ведущих центров научной терапевтической мысли в России во 2-й половине XIX века: эти вопросы получили освещение во многих исследованиях, в том числе диссертационного и монографического характера².

Но нет ни монографий, ни диссертаций, ни других обобщающих исследований по истории факультетской клиники Университета Св. Владимира. В единственной краткой монографии, посвященной В. П. Образцову и его ученикам, не затрагиваются вопросы деятельности кафедр в предшествовавший 60-летний период ее истории³.

Целью настоящего исследования было заполнить пробел в историко-медицинской литературе, показать основные этапы и направления развития факультетской терапевтической клиники Университета Св. Владимира во 2-й половине XIX века — первых десятилетиях XX века и ее роль в научно-общественной жизни терапевтов страны. Хронологические рамки исследования охватывают "досоветский" период с 1844 г., когда открылась терапевтическая клиника Университета Св. Владимира, и до 1920 г., когда в Киеве была установлена советская власть и пришло время новой медицины (как бы к этому явлению не относиться), пронизанной принципами советского здравоохранения, и когда (в том же году) скончался В. П. Образцов, создавший киевскую школу терапевтов.

Университет Св. Владимира был открыт в 1834 г., медицинский факультет в его составе — только в 1841 г. Автор первого исторического очерка об университете, выпущенного в связи с его 50-летним юбилеем, М. Ф. Владимирский-Буданов⁴ отметил основную заслугу в создании факультета министра народного просвещения графа С. С. Уварова, представив его в качестве реформатора высшего медицинского образования в Российской империи. Между тем известно, что рассматриваемому событию предшествовало закрытие по политическим мотивам одного из лучших в стране высших учебных заведений — Виленского университета (1832 г.). Его медицинский факультет был преобразован в Виленскую медико-хирургическую академию, просуществовавшую всего одно десятилетие⁵.

Предполагалось перевести оборудование и перебазировать профессорско-преподавательский состав Академии в Университет Св. Владимира. Однако министр в своих расчетах ошибся: ни один преподаватель-поляк (а в ту эпоху на юго-западе Российской империи, по меткому замечанию того же С. С. Уварова, "язык русский едва ли был слышен на этом огромном пространстве") не уехал из Вильно. Преподавателей-клиницистов пришлось искать в Дерпте, где при университете был организован институт для подготовки профессорских кадров. Учебные кабинеты, клиника Университета Св. Владимира в течение многих лет находились в арендуемых частных помещениях, не приспособленных для лечебного и педагогического процесса. Трудно согласиться с мнением М. Ф. Владимирского-Буданова о благоприятных условиях для развития медицинского факультета в эпоху Николая I.

Медицинский факультет Университета Св. Владимира был учрежден министром народного просвещения еще в апреле 1840 г. (поэтому в литературе до 1917 г. именно этим годом датируется основание факультета), в мае того же года совету университета было предложено пересмотреть прежние уставы и сообщить Министерству свое мнение об организации преподавания теоретических и клинических дисциплин. В записке совета университета, представленной в Министерство народного просвещения в августе 1840 г., указывалось на то, что для обеспечения учебного процесса на факультете необходимо создать 13 кафедр, в том числе 2 клинические — по терапии и хирургии. В 1841 г. состоялось открытие факультета: к занятиям приступили 20 студентов из числа лучших выпускников киевских гимназий, высказавших желание посвятить себя медицине. В дальнейшем по замыслу С. С. Уварова медицинские факультеты в Москве и Киеве должны были стать главными, а в Дерпте, Казани и Харькове — "вспомогательными учебными заведениями и войти в один круг с главными". Однако эту идею не удалось подкрепить ни кадрами, ни прочими материальными ресурсами. В связи с отсутствием преподавателей открытие кафедр на факультете осуществлялось постепенно,

¹Гукасян А. Г. Эволюция отечественной терапевтической мысли (по материалам съездов и конференций терапевтов). — М., 1973.

²Голубов Н. Ф. О направлениях в русской клинической медицине (Москва и Петербург). — Изд. 2-е. — М., 1895; Куценко Л. И. Исторический очерк кафедры академической терапевтической клиники Императорского ВМА. — Дисс., СПб., 1898; Плетнев Д. Д. Русские терапевтические школы. — М. — Пг., 1923; Артемьев Е. Н. Факультетская терапевтическая клиника I МОЛМИ им. И. М. Сеченова и ее роль в развитии внутренней медицины. — Дисс. докт. — М., 1958.

³Гурберг А. Я. В. П. Образцов и его школа. — М., 1990.

⁴Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св. Владимира. — К., 1884.

⁵Устав Виленской МХА. — ЦГИАЛ, ф. 720, оп. 1, д. 1025, л. 5; Полное собр. Законов Российской империи. 2-е собр. 1841—42. — СПб., 1843. — Т. 16. — С. 154; История Вильнюсского университета. — Вильнюс, 1979. — С. 106—111.

по мере перехода студентов с курса на курс. Поэтому в 1841 г. факультет открылся без клинических кафедр. Вместе с тем министерство энергично подыскивало молодых ученых с опытом врачебной практики, способных в дальнейшем успешно руководить тремя клиническими кафедрами — терапии, хирургии и акушерства. Профессором хирургии был приглашен ученик Н. И. Пирогова доктор медицины В. А. Караваев. Преподавателями терапии и акушерства были определены Ф. С. Цыцурин⁶ и И. П. Крамаренков.

Выпускник Харьковского университета, потомственный дворянин Федор Степанович Цыцурин (12 июня⁷ 1814 г.; г. Бирюч Воронежской губернии, ныне Белгородской обл. — 19 декабря 1895, Петербург), проработав 3,5 года в Харьковской губернии практическим врачом, с 1839 г. занимался научными исследованиями в Дерптском университете и в 1841 г. завершил докторскую диссертацию о брюшном тифе. Вероятно, не без участия Н. И. Пирогова, который в то время заведовал кафедрой хирургии в Дерпте (в печати приводились свидетельства их дружеских отношений⁸), Ф. С. Цыцурин был приглашен в Университет Св. Владимира. Положительному решению должно было способствовать свидетельство Харьковской врачебной управы, выданное 24.11.1839 г. за № 983 "вольнo практикующему лекарю 1-го отделения Федору Степановичу сыну Цыцурина в том, что он занимался 3,5 года в здешней губернии производством врачебной практики и приобрел себе в то время как всякого сословия жителей, между которыми он жил, так равно и местного медицинского начальства".

Преподавание терапии и акушерства начиналось на IV курсе; это позволило отправить молодых преподавателей в научную командировку "для приготовления к кафедре": Ф. С. Цыцурин был командирован для усовершенствования в клинической терапии, патологической анатомии и семиотике, преимущественно в Берлине и Вене", "с содержанием" в 1 тыс. руб. серебром и обязательством прослужить не менее 6 лет преподавателем в университете. Обращает на себя внимание точность постановки задачи и выбора конкретного пути ее решения. В начале 40-х годов Париж еще оставался общеевропейским центром клинической медицины, где можно было учиться семиотике и диагностике у Ж. Б. Буйо — преемника Р. Лаэннека по кафедре внутренних болезней в знаменитой больнице Шарите; оба они принадлежали к клинической школе Ж. Н. Корвизара с ее основополагающими работами в области физических методов непосредственного исследования больного и клинико-патологоанатомических сопоставлений. Вместе с тем в 40-е годы четко наметилась тенденция постепенного перехода лидерства от французской к немецкой медицине. "Новая венская школа" в лице патолога К. Рокитанского, интерниста Й. Шкоды и их многочисленных последователей внесла важнейший до Р. Вирхова вклад в разработку современной патологической анатомии и в научное обоснование методов перкуссии и аускультации. Берлинская клиника И. Л. Шенлейна, а затем клиницист и экспериментатор Л. Траубе первыми в Европе встали на путь естественно-научного развития клинической медицины, используя весь спектр достижений естествознания, включая химические методы, микроскопию и экспериментальную патологию.

Наивно было бы полагать, что немецкая медицина дружно, в одночасье перешла на рельсы строго научного пути развития. Наоборот, есть свидетельства (в том числе Н. И. Пирогова, Н. Ф. Здекауера) косности университетской среды и в Вене, и в Берлине: во 2-й половине 50-х годов, т. е. ко времени выхода на авансцену Й. Шкоды и Л. Траубе; чтение курса аускультации и перкуссии вызывало у большинства их коллег только удивление и насмешки. И все же именно в Берлин и Вену надлежало в те годы посылать для подготовки к профессуре талантливых молодых ученых: там прежде всего пробивались ростки будущей научной медицины.

Можно задаться вопросом: а как же Московский университет, где проф. Г. И. Сокольский успешно разрабатывал и физические методы исследования, и секционный контроль врачебных наблюдений? К сожалению, надо признать, что не было смысла посылать молодых ученых-терапевтов на стажиров-

ку в Московский университет (а равным образом и в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию): кафедра Г. И. Сокольского не имела клинической базы, а клиника проф. Х. Г. Бунге, неоднократно избиравшегося деканом медицинского факультета, велась добротнo, но рутинно.

Правда, длительный срок усовершенствования позволил Ф. С. Цыцурину не ограничиться Веной и Берлином, а ознакомиться с европейской клиникой внутренних болезней в целом: он посещал клиники Парижа, знакомился с медицинскими учреждениями и курортами Южной Франции, Северной Италии и Швейцарии. Предусмотренные программой донесения и отчеты о путешествии, опубликованные в Журнале Министерства народного просвещения, заграничные письма⁹ свидетельствуют о целеустремленности, трудолюбии, пытливости и критическом складе ума молодого врача. Его мысли, характеристики приобретают порой афористическое звучание. Так, сравнивая профессоров Берлина и Парижа, он отметил: "Шенлейн — талант в высшей степени теоретический, Андраль — талант в высшей степени наблюдательный"¹⁰.

И конечно же в Париже он обратил внимание на описание ревматизма и органических болезней сердца знаменитым Бульио¹¹.

Можно также констатировать, что самостоятельных научных исследований во время зарубежной командировки он не проводил.

По возвращении, во всеоружии европейского медицинского знания он прочитал пробную лекцию в Петербурге в присутствии многих известных врачей столицы, членов специальной для того назначенного комитета и самого министра С. С. Уварова. Поскольку экзаменаторы единодушно признали не только обширные познания соискателя, но и самостоятельность взгляда на изложенный им предмет, министр определил его в Университет Св. Владимира с того же 1844 г. и сразу ординарным профессором, минуя таким образом положенные ступени преподавательской карьеры — адъюнкта и экстраординарного профессора. 8 мая 1844 г. профессор Ф. С. Цыцурин возглавил новую кафедру терапевтической клиники с семиотикой; ему же было поручено временное преподавание частной патологии и терапии "в полном объеме впрямь до определения другого преподавателя, без особого, впрочем, за сей труд вознаграждения".

Терапевтическая (факультетская) клиника с семиотикой — первая и единственная на протяжении многих лет клиника внутренних болезней в Университете Св. Владимира была открыта 1 ноября 1844 г. одновременно с хирургической клиникой (на 20 кроватей каждая). Первый профессор терапии в университете Ф. С. Цыцурин был блестящим лектором и любимцем студентов, имел высокий врачебный авторитет: без его участия не обходился ни один консилиум в хирургической или акушерской клинике. Популярность его среди населения города и всего Юго-западного края и доступность как врача в любое время суток были общеизвестны. Среди его пациентов был Н. В. Гоголь и, по воспоминаниям писателя Г. П. Данилевского, Ф. С. Цыцурин бережно хранил экземпляр "Мертвых душ" с дружеской надписью автора. Характерным элементом преподавания в клинике стали проводившиеся профессором "обзоры замечательных клинических случаев". Представление о том, какими именно клиническими случаями располагала факультетская клиника в те годы, можно составить по написанному Ф. С. Цыцуриным разделу университетского отчета за 1845/46 учебный год (сохранены приведенные в отчете названия болезней): из 168 больных, находившихся на лечении в течение года, умерли 10, в том числе 3 больных острыми болезнями — тифозной горячкой (2) и воспалением легких (1), и 7 больных-хроников, страдавших чахоткою легких (3), органическими болезнями сердца (2) и Брейтовой болезнью, т. е. болезнью Брайта (2). У приходивших в клинику за советами 507 больных преобладали в острых случаях перемежающаяся лихорадка, ревматические и воспалительные болезни, а в хронических —

⁶Гос. гор. архив г. Киева, ф. 16. — Имп. университет Св. Владимира, оп. 280, ед. хр. 117 (от 13.08.1841 г.).

⁷По Биографическому словарю профессоров и преподавателей Университета Св. Владимира. — К., 1884; по Л. И. Жуковскому ("Врачебное дело". — 1965. — № 2. — С. 113—115) — 11 июня того же года.

⁸Жуковский Л. И. Ф. С. Цыцурин — первый киевский профессор-терапевт // Врачебное дело. — 1952. — № 6. — С. 556

⁹ЦГИА, ф. Департамента нар. просвещения. Киевский уч. округ, оп. 69, ед. хр. 615, л. 35—40; Отчет о путешествии д. м. Цыцурина с 15.08.1842 г. по 15.02.1843 г. — СПб., 1844; Ж. М. Н. П. за 1842—1845 гг.

¹⁰Андраль — преемник (с 1839 г.) по кафедре патологии и терапии Сорбонны знаменитого клинициста Ф. Бруссе, предлившего теорию так называемой физиологической медицины, и последователь его идейного противника Р. Лаэннека.

¹¹Правильно — Ж. Б. Буйо; "его тиранический закон" поражения сердца при ревматизме сформулирован в 1835 г., т. е. всего за несколько лет до посещения Парижа Ф. С. Цыцуриным, далеко не сразу получил общее признание.

болезни сердца, печени и почек, ревматические и кожные, нервные, геморроидальные и сифилитические болезни¹².

Придавая большое значение поликлиническому преподаванию (где "великую пользу доставляет соединение клиники с поликлиникой"), Ф. С. Цыцуриным добился открытия амбулатории.

Научные исследования самого профессора и его учеников были посвящены главным образом разработке семиотики и диагностики холеры, внутренних и кожных болезней, лечебного применения минеральных вод. Из его учеников нам известны доктор медицины Адам Иванович Слободзинский (1822—1869 гг.), с 1847 г. — помощник директора клиники, защитивший диссертацию "Об аспирационном плеврите и хронической пневмонии в результате механической закупорки легких" (1850 г.), с 1851 г. — адъюнкт и секретарь медицинского факультета, с 1853 г. — на военной службе; Людвиг Казимирович Горещкий (1826—1886 гг.), ординатор и помощник директора клиники, секретарь медицинского факультета, защитивший диссертацию "К вопросу о мокроте при пневмонии Рокитанского (1855 г.), с 1858 г. — адъюнкт по кафедре частной патологии и терапии, основал в 1864 г. в Киевском военном госпитале отделение, затем клинику "накожных болезней", на базе которой им была создана кафедра университета и формировалась первая на Украине школа дерматологов и сифилидологов; Людвиг Адольфович Маровский, ассистент Ф. С. Цыцурина в последние годы его заведования клиникой, автор пробной лекции "Об общих принципах диагностики" (1864 г.), имевшей большой успех, профессор кафедры факультетской терапевтической клиники Харьковского университета (1866—1868 гг.), основатель и первый президент Псковского, Кишиневского и Одесского научных врачебных обществ.

О высоком авторитете Ф. С. Цыцурина среди коллег свидетельствует избрание его деканом медицинского факультета (1847—1850 гг.)¹³.

Известность его как блестящего клинициста вышла далеко за пределы Киева: он состоял почетным членом Кавказского и Оренбургского научных медицинских обществ, членом-корреспондентом Краковского ученого общества, Дрезденского общества испытателей природы и медицины и Германской академии естествоиспытателей "Леопольдина". На 32-м конгрессе немецких естествоиспытателей и врачей в Вене в 1856 г. его избрали президентом медицинской секции. В октябре 1857 г. по личному распоряжению императора Александра II он был переведен в Варшаву на должность президента Медико-хирургической академии¹⁴. Через 4 года его вновь перевели — на этот раз в столицу: в 1861 г. он был назначен постоянным членом Военно-медицинского ученого комитета, а спустя год (8.09.1862 г.) — директором медицинского департамента Военного министерства¹⁵. В 1863 г. он стал почетным, а в 1865 г. — штатным лейб-медиком. В январе 1867 г. на посту руководителя военно-медицинской службы его сменил известный хирург и медицинский администратор П. А. Дубовицкий, а он занял должность управляющего придворной медицинской частью¹⁶, на которой находился более 15 лет. После выхода в отставку тайный советник и лейб-медик Ф. С. Цыцуриным состоял постоянным членом Военно-медицинского ученого комитета, членом Главного военно-госпитального комитета и Медицинского совета Министерства внутренних дел¹⁷.

Таким образом, покинув Университет Св. Владимира, Ф. С. Цыцуриным шел в дальнейшем по пути крупного медицинского администратора; наиболее плодотворным для Цыцурина-клинициста был именно киевский период его врачебной деятельности.

Имя Ф. С. Цыцурина не дошло до нас в эпонимических названиях болезней и их симптомов, он не оставил и иных работ приоритетного характера. Его научные труды представляют значительный интерес главным образом в том отношении, что в них ярко отражены взгляды передовых врачей середины XIX века, ибо автор — опытный и широко образованный кли-

ницист — превосходно владеет словом и рассматривает все явления нормальной и патологической жизни острым критическим взглядом. Так, "Медицинский отчет о холерной эпидемии в Киеве 1847 г." (Киев, 1848 г.) был составлен ординарными профессорами Университета Св. Владимира Н. Козловым (кафедра патологии)¹⁸, Ф. Цыцуриным и А. фон Вальтером (кафедра физиологической анатомии) на основании изучения условий, способствовавших распространению холеры, и клинической симптоматики, химического исследования крови и выделений больных в различные периоды болезни, вскрытия трупов погибших от холеры с микроскопическим исследованием пораженных тканей, при общем числе заболевших 1680. Этот отчет знакомит нас с представлениями врачей той эпохи об эпидемических заболеваниях. Приведем лишь некоторые характерные положения этого коллективного исследования, отражающие позицию авторов.

По поводу возможных путей распространения эпидемии читаем: "Чем дальше от мiasmатического влияния реки, тем меньше восприимчивость к холере" (с. 23); "Мы не считаем себя вправе выразить наше решительное мнение касательно контактиозного происхождения холеры и возможности ее распространения через сообщение от одного субъекта к другому. Число наблюдений ... весьма незначительно" (с. 30); "Ближайшие причины, располагающие к холере, находились, по-видимому, в роде жизни, диетическом содержании и занятиях бедного класса людей. Холера у людей худосочных, венерических, чесоточных, скорбутных, туберкулезных и золотушных встречается чаще" (с. 334). Наивные, на первый взгляд, подходы; как близки они представлениям средневековой медицины и как далеки от положений современной эпидемиологии! Вспомним, однако, что несколько десятилетий спустя та же проблема — о решающей роли санитарного благоустройства местности либо выделяемого человеком заразного начала в массовом распространении холеры — стала предметом столкновения противоположных взглядов крупнейших авторитетов германской и европейской в целом медицинской науки: основоположника научной гигиены М. Петтенкофера и главы немецкой школы бактериологов Р. Коха. Спор был при этом столь бескомпромиссным, что в качестве решающего аргумента был использован героический опыт, поставленный М. Петтенкофером на себе — самозаражение культурой холерного вибриона (1884 г.)¹⁹.

Рассуждения о природе холеры в эпоху, предшествовавшую открытиям Л. Пастера, конечно, был присущ налет умозрительности. Зато симптоматика болезни была известна врачам во всем ее многообразии. Авторы "Медицинского отчета..." прозорливо оценивали ведущий в клинической картине холеры синдром обезвоживания организма: "Мы совершенно убеждены, что степень опасности холеры находится в прямом отношении к относительной степени стгухаемости крови, принадлежащей исключительно этой болезни" (раздел VI. "Терапия холеры", п. IV). Однако, не располагая специфическими средствами этиотропной терапии, они не видели возможности надежно воздействовать на неизвестную им причину болезни. С целью повлиять на конкретные механизмы патологического процесса (патогенетическая терапия) и его проявления (симптоматическая терапия) предлагалось последовательно применять различные средства и методы сообразно "форме, степени, периоду болезни, различным видам ее осложнения, различию причин, ее произведших, и индивидуальности больного": лечить кровопусканиями, раздражающими наружными средствами, опиумом и мочегонными для борьбы с экссудацией в кишечнике в начальном периоде болезни, камфорой и паровыми ваннами в периоде обезвоживания и т. п. Автором раздела "Терапия холеры", как и разделов "Обзор важнейших припадков в диагностическом их значении" и "Прогностика" этого коллективного исследования, был Ф. Цыцуриным. Он прямо писал, что не признает "ни одного универсального, специфического средства от холеры. Нам кажется даже не рациональным при лечении такой болезни, как холера, искать спасения больного в настойчивом, исключительном употреблении одного какого-нибудь лекарства, как например, ... хинина, висмута, стрихнина и тому подобных средств, так же мало соответствующих свойству

¹²Речь ... проф. С. П. Алферьева и краткий отчет о состоянии и действиях университета за 1845/46 акад. год. — К., 1847. — С. 13.

¹³Гос. гор. архив Киева, ф. 16, оп. 286, ед. хр. 67.

¹⁴Там же. — Ф. 16, оп. 296, ед. хр. 173.

¹⁵Столетие Военного министерства. Главное военное-медицинское управление. 1802—1902. — Т. 8. — Ч. 4. — СПб., 1911. — С. 34.

¹⁶Там же. — С. 71.

¹⁷Биографический словарь профессоров и преподавателей Университета Св. Владимира в честь 50-летия университета (1834—1884). — К., 1884.

¹⁸Н. И. Козлов — ученик Н. И. Пирогова, по инициативе которого и была открыта в Университете Св. Владимира первая в России кафедра патологии (патологической анатомии и патологической физиологии); в 1869—1871 гг. — начальник Петербургской медико-хирургической академии.

¹⁹Этот драматический эпизод широко освещен в медицинской литературе, что освобождает авторов от необходимости подробного его изложения.

болезни, как мало соответствуют ее патогенетической сущности все до сих пор прославленные, т. н. специфические способы ее лечения. Мы думаем, что самая мысль отыскать универсальное специфическое средство от холеры лежит весьма далеко от своей цели и что, быть может, все попытки в этом отношении кончатся тем, чем они кончались для тифа, скарлатины и других горячечных болезней".

В вопросах профилактики авторы исследования вынуждены были исходить из тех же аморфных представлений о причинах возникновения и распространения болезни: "Мы не знаем лучшего предохранительного средства от холеры, как строгое соблюдение всех диетических правил... Допуская миазматическое происхождение холеры, мы считаем одною из главнейших во время эпидемии профилактических мер сбережение себя от холодных и сырых испарений рек и мест болотистых и низменных. В том же самом отношении вредно во время эпидемии употребление сырой испорченной воды и всех тех видов сырых плодов и овощей, которые в избытке ее содержат; сюда

относятся преимущественно огурцы, дыни, арбуз, салат и т. д." При этом они справедливо отбрасывают "все так называемые предохранительные средства от пилюль Брауна до распространявшихся в последнее время в большом числе различных капель и настоек от холеры"²⁰ — за их полной бесполезностью. "Медицинский отчет..." вызвал интерес современников: положительный отзыв на него опубликовали "Отечественные записки" (1848 г.), на материалы этого исследования неоднократно ссылался Н. И. Пирогов.

Поступила 21.11.96

---

²⁰Широко известная настойка Иноземцева также была предложена Ф. И. Иноземцевым в 1853 г. для лечения холеры; о его своеобразных взглядах на природу холеры см.: Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 92—108.